

АЛЕКСЕЙ СТАЦЕВИЧ

ГВОЗДЬ

18+

Алексей Стацевич

Гвоздь

«Автор»

2026

Стацевич А.

Гвоздь / А. Стацевич — «Автор», 2026

Рассказ о сыне, ухаживающем за деспотичным, но беспомощным теперь отцом, и о коротком, почти случайном эпизоде, в котором решается куда больше, чем кажется на первый взгляд.

© Стацевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гвоздь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алексей Стацевич

Гвоздь

Гвоздь

Овсянка получилась густой.

Сергей специально варил погуще, но не от хорошей жизни, а потому что считал, что так дольше держится тепло. Отец с недавних пор ел нехотя, по-стариковски, и пока добирался до середины тарелки, более жидкая каша успевала бы остыть.

Было время завтрака. Сергей примостился на шаткой табуретке у кровати, тарелка с кашей балансировала у него на коленях, ложка – в руках. В комнате пахло пригоревшим молоком – в маминой кастрюле всегда подгорало, сколько ни мешай. На съемной квартире пылилась ненужная хозяевам чугунная посуда, но Сергей все забывал ее утащить.

Отец с утра был не в духе: зыркнул исподлобья, на «доброе утро» отмолчался. Кашу он жевал с закрытыми глазами и нарочито медленно, тщательно, до шевеления ушей. Время от времени останавливался, хмурил брови, открывал глаза и смотрел на белое пятно хрустальной люстры – будто проверяя, на месте ли он сам. Убедившись, что на месте, закрывал глаза, и лицо отпускаяло.

Его правая рука лежала на одеяле ладонью вверх, пальцы скрючены – наследие второго инсульта. Рука еще шевелилась, подрагивала, но уже почти не сгибалась. Левая же замолчала насовсем.

– Тьфу, погань какая, – сказал он и брезгливо поморщился – одной стороной лица. – Пересолил.

Сергей замер, замерла и полная ложка – где-то между тарелкой и ртом. Соли в каше отродясь не водилось: варил он ее по-больничному пресной, врачи запретили соль. Отец знал, что сын не солит, но, похоже, подзабыл, как и многое за последние годы: даты, имена, события. А может, и не подзабыл, а сказал из вредности, ведь ляпнуть такое было в его духе.

Сергей без стука опустил ложку в тарелку, лениво перемешал содержимое и попробовал на лишнюю соль, причем дважды – для надежности. Соли, разумеется, не обнаружил.

– Не выдумывай. Нормальная каша, – сказал он, раздражаясь. – Ешь давай, чуть-чуть осталось, потом чай.

– Опять ромашковый?

Сергей расплылся в ехидной улыбке.

– Ага, твой любимый.

Отец предпочитал кофе. Крепкий. Без молока. Без сахара. Без ромашек. Но кофе тоже запретили.

Когда с завтраком было покончено, Сергей сгреб посуду и тенью утек в коридор. Здесь взгляд его по давней, но дурной привычке бессмысленно скользнул по обоям, туда, где раньше торчал одинокий гвоздь.

Гвоздя не было лет тридцать, а то и больше, Сергей выдернул его еще подростком. Выдернул и заштукатурил отверстие – настолько криво, что заплатка до сих пор ядовито скалилась на стене неопрятной кляксой.

На гвозде этом когда-то висел дедов ремень – кожаный, солдатский, с потемневшей от времени латунной пряжкой со звездой. Ремень красноречиво вырисовывал границы дозволенного, напоминая, что бывает за провинности.

Отец снимал его только по одному поводу – для скорой экзекуции. И когда тяжелая рука тянулась к пряжке, маленький Сережа заранее впадал в истерику – бежал в свою комнату,

забивался под кровать, умолял, отбрыкивался, ревел в голос, но отец был глухой к слезам. Виноват – получи.

Сергей донес наконец посуду до кухни, сунул тарелку в раковину и пустил воду; та засочилась холодной рваной нитью – по утрам напор частенько хромал. В ожидании чуда держа пальцы под струей, он размышлял о том, что отпуск скоро закончится, что лето скоро закончится, а он трижды подряд проводит и то, и другое – вот так, рядом с немощным отцом. Которого не то чтобы любит, скорее даже наоборот – за былые дела, за старые грешки, за слова обидные. Но бросить все равно не может, не по-людски это как-то.

Еще он вспомнил Машку – та неделю назад умотала на море с очередным хахалем, фоточки вон в соцсетях выкладывает, загорелая, белозубая, счастливая. Все ухаживание Сергея одним поступком обнулила, без раздумий. Могла бы и подождать, дура такая, пока он с отцом разберется, врач же упомянул, что не так долго осталось. Но нет, куда там. *«Жизнь слишком мимолетна, чтобы тратить ее на твои проблемы, Сережа!»* Ну и черт с тобой.

Чуда не случилось, напор так и не наладился. Сергей наспех сполоснул тарелку, накормил сушилку легким завтраком и дернулся в спальню – старик уже окликал его, нервно, тем требовательным голосом, каким обычно звал по нужде.

– Подними. Да поживей ты!

Сергей подступил к кровати, придвинул стул-туалет, обхватил отца под мышки и приподнял – тело высохшее теперь, невесомое, как пень без сердцевины. От невесомости этой всякий раз делалось не по себе: где тот дуб в сто тридцать килограммов? Который сам поднимал кого угодно, одной рукой да за шиворот?

Он спустил с отца штаны и выпитывающие трусы – рутинная, но неприятная обоим процедура, – и переместил того на сиденье. Усадил, придерживая за плечо. Отец кренился то влево, то вправо, то заваливался вперед, и все пытался ухватиться за сына, но хватка слабая, символическая, толку от нее ноль. Лицо его сосредоточилось, напряглось и покраснело, как у человека, занятого важным делом.

– Не пялься, – выдал он натужно.

Сергей, в общем-то, и не пялился. Точнее, пялился, но не туда, а в окно, во двор, где сосед выгуливал мелкую лохматую собачонку, похожую на свалывшееся облачко тополиного пуха. Название породы улизнуло из памяти.

Собака нарезала круги возле хозяина, запутывала его в длинном поводке, путалась сама и лаяла без остановки. Сосед беззвучно открывал рот: то ли матерился, то ли дрессировал – окна закрыты, и не разобрать ни слов, ни интонаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.